

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА: ПОДХОД КНР К ТРЕКУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (2014–2016 гг.)

М. В. Данилович

кандидат исторических наук,

старший преподаватель кафедры международных отношений

факультета международных отношений

Белорусского государственного университета

За последние два года угрозы безопасности Центральной Азии, в первую очередь в свете вывода Международных сил содействия безопасности из Афганистана, закрепились в порядках дискурсов как самих государств региона, так и государств, чьи важные интересы затрагивает ситуация в Центральной Азии и на ее южных рубежах. Как известно, трек обеспечения безопасности присутствует в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) с момента ее создания в 2001 г., и у истоков идеи ШОС стояла КНР. Поскольку в отличие от начала 2000-х гг. на сегодняшний день Китай, бесспорно, стал одним из наиболее влиятельных игроков в Центральной Азии, то весьма актуально оценить позицию КНР по вопросу сотрудничества в сфере региональной безопасности в рамках ШОС.

Рассмотрим позицию КНР с 2014 г. по настоящее время. Выбор 2014 г. обусловлен, во-первых, началом практической реализации китайского проекта Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП). Во-вторых, именно с 2014 г. наблюдается резкое ухудшение ситуации в северном приграничье Афганистана с его влиянием на ситуацию в Центральной Азии.

При изучении вопроса представляется целесообразным: 1) анализ текущего политического и экспертного дискурса в КНР относительно новых вызовов и угроз безопасности в регионе; 2) анализ соответствующего политического дискурса в ШОС; 3) оценка практической деятельности ШОС в сфере региональной безопасности в рассматриваемые годы.

Относительно двух типов дискурса в КНР о новых вызовах и угрозах центрально-азиатской безопасности можно отметить следующее. Ключевой темой *политического дискурса* остается проект ЭПШП. Как известно, вопросы обеспечения региональной безопас-

ности изначально были выведены за рамки данного проекта. Сотрудничество в сфере безопасности рассматривается официальным Пекином как прерогатива ШОС и одновременно как задача двустороннего взаимодействия с государствами региона (включая военно-техническую помощь, содействие повышению квалификации кадров, проведение двусторонних тактических учений).

На первый взгляд, это доказывает гибкость подхода китайской стороны: возможность расширить сотрудничество появляется лишь в случае «встречного движения» всех вовлеченных государств. С другой стороны, это подтверждает большее внимание, которое Китай на практике уделяет двусторонним связям в сфере безопасности. В ШОС позиция КНР продолжает носить общий характер, без выдвижения новых конкретных инициатив. Китайское руководство неизменно делает акцент на неразрывной связи экономики и безопасности, а также поддержке мирного решения внутриафганской ситуации.

Китайский *экспертный дискурс* по проблематике центрально-азиатской безопасности (доклады, открытые публикации специалистов из ведущих аналитических структур, занимающихся вопросами данного региона) в силу выраженной конъюнктурности в малой степени дополняет политический дискурс. Главной темой экспертных дискуссий остается проект ЭПШП. По мнению ряда экспертов (Син Гуанчэн, У Дахуэй, Гао Цзяньлун, Ли Пуминь, Чжао Хуэйчжун, Ван Хайюнь и др.), этот проект стал органичным развитием всей предшествовавшей политики Пекина в регионе [1; 2; 3]. Согласно более общим оценкам, ЭПШП как составная часть проекта «Пояс и дорога Шелкового пути» означает новую долгосрочную глобальную стратегию КНР, а место в ней Центральной Азии из периферийного становится ключевым [3; 4].

В качестве негативных факторов при реализации данного проекта китайские эксперты выделяют ряд *вызовов и угроз центрально-азиатской безопасности*:

– обострение нетрадиционных угроз, вызванное образовавшимся с весны 2014 г. «вакуумом безопасности» на севере Афганистана, ростом напряженности на таджикско-афганской границе (ведение боев на афганской территории с весны 2015 г. по всей протяженности границы с возможной целью проникновения вглубь региона через территорию Таджикистана, захват Кундуза) и на туркменско-афганской границе (установление контроля движения Талибан над

провинцией Фарьяб к концу 2014 г., увеличение числа боевиков в приграничных районах до 6–10 тыс. человек с весны 2015 г.);

– дальнейшая радикализация ситуации в регионе, что подтверждают более активные действия местных исламистских группировок (Исламское движение Узбекистана, Исламское движение Восточного Туркестана, Джунд-аль-Халифат), их связь с наркобизнесом на фоне беспрецедентного расширения в 2014–2015 гг. масштабов и объемов реализации афганского опиума;

– ухудшение экономической ситуации в странах Центральной Азии на фоне углубления экономического кризиса, влияния международной ситуации 2014–2015 гг. на российский фактор, тесных связей в сфере трудовой миграции между центрально-азиатскими государствами и РФ;

– консерватизм центрально-азиатских политических элит;

– нерешенные вопросы межгосударственных границ в регионе, наличие «сильных» и «слабых» государств в комплексе региональной безопасности, слабость вооруженных сил Таджикистана, Туркменистана и Кыргызстана (Чжао Хуэйжун, Фэн Юйцзюнь, Ян Цзинь, Ло Иньцзе и др.) [2; 4; 5; 6; 7].

Что предлагают китайские эксперты в качестве мер противодействия данным угрозам? Выдвигаемые ими варианты включают, в том числе:

– углубление китайско-российского стратегического сотрудничества (однако одновременно эксперты подчеркивают, что текущее развитие китайско-российских отношений – «прагматичный выбор» для Пекина; Китай будет развивать совместные с РФ экономические проекты, сохраняя в политическом и военно-политическом отношении полностью независимую позицию по всем международным вопросам) [4];

– совершенствование антитеррористической деятельности в рамках ШОС (в первую очередь, создание совместного механизма по обеспечению безопасности проектов, реализуемых в странах ШОС (инфраструктурных и энергетических проектов с участием Китая) [1; 2];

– вопрос более активного военно-технического присутствия Китая в Центральной Азии для защиты китайских национальных интересов неоднократно озвучивался отдельными военными специалистами, но остается на периферии экспертного дискурса. В одной из по-

следних развернутых экспертных публикаций на тему центрально-азиатской безопасности вновь предлагается активизировать позицию КНР по вопросу обеспечения безопасности Центральной Азии и Афганистана, избегая, однако, прямого вооруженного вмешательства. Последнее «противоречит задачам текущей глобальной стратегии КНР» и может привести к нежелательному для Пекина в среднесрочной перспективе вовлечению в конфликты на северо-западном направлении [7].

Относительно политического дискурса в ШОС по вопросам региональной безопасности можно отметить следующее. В ходе ежегодных встреч на высшем и высоком уровнях, в декларациях ШОС и отчетах Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества (РАТС ШОС) выделяются две ключевые темы. Во-первых, проблема обеспечения безопасности информационного пространства (противодействие пропаганде радикального исламизма и вербовке граждан стран ШОС через Интернет). Во-вторых, вопрос о нестабильности ситуации в Афганистане.

По вопросу информационной безопасности с 2013 г. в ШОС нормативно задано взаимодействие стран-членов по выявлению и блокировке «опасной» информации в сети Интернет. Общие ориентиры для трека безопасности в 2013–2015 гг. прописаны в очередной трехгодичной Программе сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Уже в ее рамках акцент сделан на составляющую – совместные меры по предупреждению и пресечению использования или угрозы использования компьютерных сетей в террористических, сепаратистских и экстремистских целях. Это говорит о повышенном внимании к проявлению «трех зол» в информационном пространстве. Однако остается открытым вопрос о том, как ШОС будет реагировать на угрозы, связанные со второй из обозначенных проблем – влиянием ситуации в Афганистане на безопасность стран региона.

Накануне саммита ШОС в Уфе в РАТС неоднократно подчеркивалось, что для «укрепления практического взаимодействия в сфере обеспечения безопасности» следует согласовать его направления в единой Стратегии развития ШОС до 2025 г. Данная стратегия была принята в 2015 г. Тем не менее, ее раздел, посвященный сфере безопасности, на наш взгляд, носит общий характер. Из перечисленных здесь задач можно отметить: «совершенствование механизма

оперативного реагирования на возникающие вызовы и угрозы» и намерение «осуществлять практические меры по обеспечению безопасного и стабильного функционирования совместно используемых инфраструктурных объектов в сфере транспорта, коммуникаций, энергетики» [8]. Такая обобщенность формулировок, устраивающая все стороны, может быть вызвана отсутствием согласованности стран-членов относительно более конкретных действий. В итоге то, как именно будут реализовываться в ШОС эти задачи, остается проблемой на будущее, что вновь говорит не в пользу эффективности ШОС в случае ухудшения обстановки в регионе.

Таким образом, суммируя подход КНР по обеспечению безопасности в Центральной Азии в рамках ШОС, можно сделать следующие выводы. Формально ШОС остается для Пекина основным межгосударственным институтом в данной сфере. Однако в силу роста факторов неопределенности в регионе, а также в силу отсутствия согласованной позиции в ШОС относительно *практического оперативного* реагирования на возникающие новые угрозы в кратко- и среднесрочной перспективах реального наполнения можно ожидать от двустороннего сотрудничества КНР с центрально-азиатскими партнерами, а также от новых форматов взаимодействия Китая с государствами региона и с «проблемным» Афганистаном.

Последнее подтверждают недавние переговоры на уровне военных ведомств между представителями Китая и Таджикистана, Китая, Таджикистана и Пакистана, Китая и Афганистана о сотрудничестве в сфере региональной безопасности в формате «четверки». Выбор китайской стороной именно Таджикистана среди государств Центральной Азии и стран – членов ШОС стратегически понятен и обусловлен угрозой проникновения радикальных исламистов в регион через территорию Таджикистана, слабостью последнего и важностью для него использовать китайский фактор как противовес в отношениях с РФ. Однако реальное наполнение возможного практического сотрудничества «четверки» еще предстоит оценить в свете нового сезона активности боевиков на таджикско-афганской границе и общего развития ситуации в Центральной Азии в ближайшее время.

Библиографические ссылки

1. Цзян Цин. Сычоу чжи лу цзинци дай – гун цзянь гун сян юй гун ин гун жун дэ синь цзию. Гоцзи яньтаохуэ цзун шу = «Экономический пояс Шелкового пути»: новый шанс для совме-

- стного строительства и использования, для совместных побед и процветания : обзор междунар. конф. // Элосы Дунъя Чжунъя яньцзю. – 2014. – № 5. – С. 33–45.
2. Чжао Хуэйжун. Цзяньшэ «Сычоу чжи лу цзинци дай» дэ юли тяоцзянь юй бу ли яньсу = Благоприятные условия и неблагоприятные факторы для создания «Экономического пояса Шелкового пути» // Чжунго Э Оуъя яньцзю ван [Электронный ресурс]. – 2014. – URL : <http://euroasia.cass.cn/news/746364.htm> (дата обращения : 15.09.2015).
3. Ван Хайюнь. «Сычоу чжи лу цзинци дай» гоу сян дэ бэйцзин цян цзай тяочжань хэ вэйлай чзоушэ = Условия разработки и осуществления проекта «Экономический пояс Шелкового пути» : скрытые препятствия и направление для будущего развития // Элосы Дунъя Чжунъя яньцзю. – 2014. – № 4. – С. 21–30.
4. Чжао Хуашэн. Чжунго хэ Элосы жухэ цзуо хуобан? = Каким образом Китаю и России быть партнерами? // Paper [Электронный ресурс]. – 2015. – URL : http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1403242 (дата обращения : 16.01.2016).
5. Фэн Юйцзюнь. Во янь чжун дэ «Сычоу чжи лу цзинци дай» = Наш взгляд на «Экономический пояс Шелкового пути» // Шицзе чжиши. – 2014. – № 5. – С. 17–26.
6. Ян Цзинь. Шанхай хэцзуо цзучжи Дуншанбие фэнхуэй синь каньфа = Новые мнения на Душанбинском саммите ШОС // Чжунго Э Оуъя яньцзю ван [Электронный ресурс]. – 2014. – URL : <http://euroasia.cass.cn/news/747283.htm> (дата обращения : 15.09.2015).
7. Ло Иньцзе. Чхунъя аньцюань синшэ дэ бяньхуа цзи ци инсян = Изменения ситуации вокруг безопасности Центральной Азии и их последствия // Гоцзи аньцюань яньцзю. – 2016. – № 2. – С. 38–51.
8. Стратегия развития ШОС до 2025 года // Sco-russia [Электронный ресурс]. – 2015. – URL : <http://www.sco-russia.ru/load/101364080> (дата обращения : 12.12.2015).